

УДК 1:(091)

DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.042

Метафизика деятельности как основание философии абсолютного «Я» И.Г. Фихте

Торубарова Татьяна Викторовна

Доктор философских наук,
профессор,

Курский государственный университет,
305000, Российская Федерация, Курск, ул. Радищева, 33;
e-mail: ttorubarova@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена осмыслению философии И.Г. Фихте как метафизике чистого действия. Показано, что смысл существования «Я» заключен в деятельности его самополагания, которая абсолютна и бесконечна. Автор эксплицирует сущность метафизики практического разума Фихте, преобразующего ее кантовское понимание и получающее свое концептуальное выражение в метафизике чистого действия. Разъясняется смысл Абсолютного в сопряжении со свободой, получающее антропоцентрическое измерение в сфере действенного «Я».

Результаты исследования убеждают, что сущность полагающей деятельности «Я» восходит к самоопределению абсолютного «Я». Через, посредством анализа отчуждающей деятельности «Я» раскрывается смысл как таковой действительности. В этой связи осмысливается диалектический опыт абсолютной природы «Я».

Показано, что следствием такого рода перспективы, заданной принципом абсолютной деятельности «Я», становится новая плоскость сознания человека и возможностей его действий. Человек, продуцирующий себя в такого рода нормативности, идентифицирует себя уже не в сохранении и «наращивании» собственно человеческих качеств, но более, в «преумножении» субъективного начала, то есть конституировании себя как абсолютного субъекта своих действий, мотивация которых детерминируется волей деятельности «Я». Долженствование действия человека все больше определяется истинным знанием, сам мир становится полем разрешения технологических перспектив, обусловленных целерациональными действиями самодостаточных субъектов.

Подводя итог сказанному, отметим, что ключевые принципы метафизической концепции Фихте, продуцирующие ведущие смысловые детерминанты осмысления человеком мира и своего собственного бытия, разъясняют понимание сущности современной действительности.

Для цитирования в научных исследованиях

Торубарова Т.В. Метафизика деятельности как основание философии абсолютного «Я» И.Г. Фихте // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 6А. С. 90-99. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.042

Ключевые слова

Метафизика деятельности, абсолютное, практический разум, чистое действие, антропоцентрическая свобода.

Введение

Вектор рационального осмысления человеческого бытия ныне все более мотивирован идеей «технэ», выводящей на уровень предельной абсолютизации соответствующий тип рациональности. Эта рациональность координирует волю человека и должностное существование самого человеческого действия. Человек как абсолютный субъект деятельности, эксплицирует свою сущность в элементе «технэ», где сделанность, активность, действительность, становятся квинтэссенцией его явной природы. Отсюда расцвет так называемого техноморфизма, где эффект искусственности, техничности определяет и задает сами человеческие стандарты. Современный техноморфизм отражает личную экзистенцию человека в ее абсолютном эквиваленте. Человек реализует собственную сущность в стремлении, в деятельности, призванной, по сути дела, быть чистой активностью «Я», меняющей не только пространственный горизонт мировосприятия (виртуальный мир становится более адаптивной зоной самоидентификации субъекта), но и самост-ийную природу собственно человеческого бытия, проецирующуюся теперь в определенных техно-перспективах.

Осмысление такого рода событийного ряда, воспроизводящего действительность существования современного человека, ведет нас к вопрошанию о нашем настоящем «Я», о подлинном субъекте нашего существования? Смысловая ткань этой сюжетной перспективы, со многими вытекающими из ее ключевых принципов последствиями, имплицирована в метафизике чистого действия И.Г. Фихте. А его размышления звучат как никогда актуально.

Целью нашей работы является реконструкция принципа деятельности как основы понимания абсолютного «Я» Фихте. Работа базируется на основании единства исторического и логического, позволяющего отразить диалектическую преемственность идей, методов герменевтического и феноменологического анализа и историко-философской реконструкции, позволяющих выявить и осмыслить внутреннюю взаимосвязь и логическую структурированность метафизической системы Фихте, на новейших формах контекстуального анализа, с помощью которого мы смогли осуществить концептуальное обоснование ключевого принципа Фихте и проанализировать его проекции на современную действительность.

Основная часть

Обратимся к фундаментальным основоположениям метафизических рассуждений Фихте, которые во многом и самом существенном, разъясняют нам имеющую место быть ныне действительность. Эксплицируем ведущие векторы тематически артикулируемого здесь смыслового поля. Контекст, осмысливаемых нами рассуждений Фихте, эксплицируется в развертывании и артикуляции ведущей метафизической позиции, связанной с пониманием бытия как сознания, в которой классическая немецкая философия, в лице своих основных представителей, получает самоопределение и место в истории мысли как таковой. Речь идет о такого рода координате рационального [Перспективы метафизики: классическая и неклассическая..., 2000, 10], в котором фундаментальным измерением разума (*ratio*) становится воля, а активное, действительное начало задает ключевые перспективы реализации сознания в его конституировании реальности как действительности всего сущего. Направленность такого рационального действия базируется на идеи проективной предвосхищающей активности, где критерием знания становится сила (Ф. Бэкон). Представление о полезных и эффективных результатах задает нормы и идеалы человеческого познания. Динамика осмысления научности

обусловлена включенностью ее в фундаментальную метафизическую позицию, постулирующую классическую рациональность ключевым горизонтом формирования соответствующей ей формы научного знания, в коей элемент *τεχνη* оказывается ключевым. Практика целерационального действия обеспечивается технологической трансформацией всего сущего, установлением действительного мирового порядка, субъектом которого становится деятельное «Я».

Осмысливая метафизику И.Г. Фихте как метафизику чистого действия, мы провоцируем определенный ряд действий, выводящих на уровень абсолютного измерения. А именно, такого рода измерение требует достижения освобождения от чего бы то ни было, задаваемого внешней мерой. Вот почему речь идет о деятельности как некоторой активности, воспроизводящей себя в собственной чистоте и постигающей себя в своей истине как свободе. Фундаментом такой деятельности, его практического требования, является идея «Я», свершающаяся как бесконечное долженствование. Согласно Фихте, начальным актом деятельного субъекта является акт самополагания, лежащий в основе его полагающей деятельности в принципе и стирающий всякое различие между субъектом и объектом, которые совпадают в чистом «Я». В активности самополагающего «Я», кое всегда есть деятельное бытие, кроется смысл существования «Я». Я себя само порождает, «в этом акте оно рождается впервые» [Гайденко, 1990, 28], то есть является актом деятельного, волевого разума, из которого выводится вся система знания, с помощью которой мы можем познать мир. Основанием бытия, существующего для нас, является субъект, существо которого состоит в действии и есть, по сути дела, само действие. В этой связи важно отметить, что Фихте, определяя «Я», вовсе не имеет в виду конкретную эмпирическую личность, но скорее, самоопределением «Я» является деятельность разума как чистого самосознания, то есть абсолютного «Я». Бытие и действие полагания для Фихте тождественны, ибо «Я» есть только через собственное самополагание, как способ его бытия. Таким образом, мы имеем дело с самоопределением абсолютного «Я», которое свободно и безусловно.

Деятельность полагającego «Я» абсолютна и бесконечна, но, чтобы быть таковой, она требует ограничения. «Я» ставит границу своей деятельности через собственное противопоставление, полагая нечто вне себя, то есть вне собственного самосознания; но нечто, на что актом некоторой деятельности «Я» указывается как на «Я». Смысл «не-Я» вовсе не определяется пониманием чего-то внешнего, например, природы как инобытия, коль скоро речь идет об актах, осуществляемых внутри сознания. «Я», ограничивая себя в своей деятельности, то есть выступая как «не-Я», по сути дела, являет свою страдательную сторону. Но, очевидно одно: «Я» как «Я» в метафизике Фихте, имеет дело только с самим собой. Следовательно, между абсолютной практической и интеллигентной сущностью «Я» образуется единое поле. Такой горизонт порождает претензиями «Я» на абсолютность [Вышеславцев, 1994, 122]. В силу этого требования «Я» должно освободиться от всякой объективной обусловленности, чтобы осознать свою истинную действительность на уровне спекулятивного мышления. Здесь вовсе не идет речь «о данном в действительном сознании Я; ибо такое Я никогда не является безусловно положенным, но его состояние постоянно обосновывается либо непосредственно, либо посредственно чем-либо вне Я находящимся; тут речь идет об идее Я, которая должна с необходимостью лежать в основе его практического бесконечного требования, но которая для нашего сознания является недостижимой и потому никогда не может непосредственно в нем присутствовать (но зато может входить в него посредственно - в философской рефлексии)»

[Фихте, 1993, 279].

Фихте, по сути дела, открывает перспективы действительному существованию, рождающемуся в непосредственной связи с «не-Я», в противовес абсолютному бытию, принадлежащему действительному «Я». То есть не знающему никаких границ практическому разуму, сущностью которого выступает воля, стремящаяся представлять и конституировать все сущее. Такой разум оказывается в плену собственных идей и идеалов, которые претендуют теперь во что бы то ни стало быть истиной самой по себе. Лишенный всякой рассудительности и восприимчивости ко всему внешнему, находящемуся вне его идей, он самоутверждает себя в своей собственной «идей-яйности». Действенность идей сплетает ткань самой реальности существованию которой приносится в жертву всякая индивидуальность. То, что Фихте называет действительным существованием, в сущности, своей, является экспликацией «яйного» бытия, которое состоит «единственно лишь в действовании», причем в действии, являющем собой единство противоположных сил.

Я является зависимым со стороны своего существования; но оно совершенно независимо, что касается до определений этого его существования» [Фихте, 1993, 281-282]. Коль скоро сила полагается в качестве фундаментального измерения бытия всего сущего, то в таком мире сила становится не только точкой отсчета чего бы то ни было, но и важнейшей характеристикой свободы. Свобода в ее действительном выражении есть эгость, которое реализуется как влечение к самостоятельности [Fichte, 1845, 39-40]. В такого рода перспективе, свобода рассматривается как метафизика воли действительно познающего субъекта. Но для того, чтобы «Я» возникло к бытию оно нуждается в некоторой силе «не Я». Следовательно, мы оказываемся зависимыми со стороны своего эмпирического существования. Тогда как вся идеальность мира целиком зависит от «Я». Этот диалектический опыт принадлежит абсолютной природе «Я», которая выражается в полагании себя как сущего, где изначально оказывается действенный акт самополагания. Бытие познающего субъекта является лишь конституэнтном метафизики практического разума, для которого сознание «Ego cogito» осмысливается главным образом в плане абсолютной достоверности бытия деятельного субъекта. Дело-действие есть условие существования индивидуального «Я». То есть абсолютное «Я» является своего рода субстанциальной основой всякого эмпирического Я. «В идеале, к которому стремился Фихте, конечное практическое человеческое Я должно отождествиться с абсолютным Я» [Перов, 2010, 346].

В этом смысле каждое бытие является центром для самого себя и каждое есть абсолютная субстанция. Абсолютное «Я» изначально наделяется божественным смыслом. Оно есть исходная перводанность, начало как таковой рефлексивной активности, которая необходимо мыслит сквозь призму собственной яйной деятельности. То есть «Я» оказывается не только точкой отчета в этом кругу бытия, но и тем, что завершает причинный ряд. Все становится прозрачным для деятельности сознания и, следовательно, сознание оказывается вплетенным в саму реальность как действительность, где все суть его определения. Тем самым, мы апеллируем к такому полю, где бытие конституируется как сознание, фундаментальным измерением которого становится воля. Как мы уже отмечали, бытийная определенность «Я», в плане своего действительного существования, нуждается в некотором существовании «не Я» как границе для преодоления деятельности стремящегося, практического «Я». В этой связи приведем высказывание С.Н. Булгакова: «... что я и *мир*, подлежащее и сказуемое, между собой внутренне связаны, тождественны в своем развитии и соотносительны в своем определении и

выразимости» [Булгаков, 1993, 509]. Подлежащее есть тот гипокейменон, о котором все сказывается. Оно не существует вне сказуемого, через посредством которого оно себя сказывает и раскрывает. Таким сказуемым для Фихте является природа. «Я нуждается в Не-я, по Фихте, не как в своей природе, возможности своей жизни, самопознания, самоосуществления, но прежде всего как в *зеркале*, от которого можно отразиться, «рефлектировать», себя увидеть и познать, *п<отому> ч<то>* иначе, как мы уже знаем, абсолютное, самодавляющее Я оказывается за порогом действительного существования или бытия» [Булгаков, 1993, 509]. Действительное существование есть опыт бытия как сознания, ибо истинное познание всегда есть также и действие. Действенность такого рода сознания воплощается в активности представления, где действенное «Я» предшествует представляющему. Опыт «Я» оказывается своего рода метафизикой субъекта, который в своем практическом действии конституирует все сущее как свои объекты. Это опыт самоосвобождения «Я» сознания, позволяющего в «не -Я» увидеть самого же себя, и обрести свою сущность в достоверности знающего себя в своем абсолютном измерении сознания, где «действие само есть продукт» [Fichte, 1923, 89]. Внутри абсолютного «Я» происходит процесс взаимного соответствия деятельности «Я» и страдания «не-Я» через их частичное ограничение. «Я» постоянно ставит себе границы, делая самого себя объектом сознания, и преодолевает собственное отчуждение. В этом смысле ограниченная и безграничная деятельность «Я» есть одна и та же бесконечная деятельность «Я», проявление его свободы. Как пишет Ильин И.А., Фихте пытается «перенести Божественное начало в недра человеческого духа» [Ильин, 1912, 333].

Абсолютное «Я» Фихте имеет божественное измерение. Оно есть вне жизни и смерти. Для Фихте идеализм становится доктриной, в которой деятельное «Я» имеет приоритет в истолковании бытия, по сути дела он становится абсолютным идеализмом. Природа есть только граница деятельности Ego. Понятая таким образом, она вообще не имеет своего собственного бытия, она лишь препятствие, которое «Я» преодолевает. В этом смысле мир в качестве «не Я» выступает носителем абсолютного ничто. Однако, понять «не Я» в качестве безусловного отрицания «Я» было бы неверно. Поскольку Я- абсолютно, оно есть все; ему принадлежит всякая реальность как действительность, то есть в известном смысле всякое сущее Я-подобно. В философии Фихте природа лишается собственного самостояния. Она не имеет никакой субстанциальности. Она вообще не имеет права быть самой по себе, поэтому в ней не может быть никакой абсолютной спонтанности. Фихте элиминирует в порядке природы эту абсолютную самодейственность, то есть, говоря словами Канта, «способность самопроизвольно начинать состояние» [Кант, 1994, 409]. Свобода как абсолютная спонтанность неотделима от проблемы причинности. Если у Канта причинность осмысливается в контексте природы, то есть в природе возможен такой вид причинности, который является самоначинанием, то согласно Фихте: «... требование абсолютной причинности необходимо должно первоначально заключаться в Я» [Тульчинский, 2018, 272]. Деятельное «Я» становится действующей причиной, для которой все сущее существует в порядке его действительного преломления.

Суммируя вышесказанное, важно отметить следующее. Исходным моментом лежащим в основе философского поиска Фихте является идея тождества, имеющая смысл тождественности бытия и деятельности. Речь идет о деятельности Я, которая абсолютна и бесконечна. «Фихте говорит о Я прежде всего как о чистом Я, как о «яйности», воплощающей в себе всеобщий разум и служащей основанием эмпирического Я» [Длугач, 2010, 299].

Абсолютное «Я» утверждается в позиции единой субстанции, заключающей в себе

бесконечную действенность. Деятельность есть способ существования субстанции, которая актом собственной силы (воли) полагает весь мир (как «не Я») для самого себя, для удовлетворения своих потребностей. Требованием, исходящим из природы этого «Я», становится необходимость истинного самопознания. Познание осуществляемое истинным образом заключается в знании о самом знании. В этом смысле «Наукоучение» Фихте есть прежде всего доктрина, система науки в плане сущностного знания и познания. Как отмечает К. Фишер: «Знание начинается не с факта, а с деяния; наукоучение начинается с усмотрения этого деяния. Познать это действие и значит произвести его» [Фишер, 1909, 329].

В Новое время система становится необходимостью и требованием самой мысли. В понимании системы проектируется определенный порядок вещей, заранее предусматриваемая схема последовательных действий. Внутреннее расположение вещей предполагает определенное понимание природы, знания. Такого рода связывание совершается с помощью трансцендентального сознания Канта, абсолютного «Я» Фихте или абсолютного духа Гегеля. Абсолютное «Я» Фихте составляет субстанциальную природу чего бы то ни было. Речь идет о его неустранимости из всего сущего.

Для Фихте, который постоянно говорит о достоинстве человека, человека по сути дела нет, ибо исчезает сама человечность. «Я, отвлеченная ипостась, в своем люциферическом экстазе способна породить лишь свою собственную тень, не-я, и царствовать в этом царстве теней, метафизическом шеоле» [Булгаков, 1993, 352]. Сущность Я у Фихте лишается вещеподобных характеристик. Абсолютное «Я» ассимилирует и подчиняет то, что стоит вне «Я». Но если природа лишается всякой присущей ей закономерности, своего собственного самостояния в ее естественно функционирующей сущности, то исключается сама возможность природы, в том числе устраняется общество, история и самостояние самого человеческого существа. И если Кант понимает свободу в природном контексте, ибо человек суть природное существо, то у Фихте свобода существует для «Я» и ради «Я», а природа есть ее условие.

Для прояснения существа проблемы сделаем отступление. А именно, обратимся к аристотелевскому пониманию бытия - как - природы (*ἐνέρχεια*). Согласно такому пониманию, все существующее по своей природе заключает в себе мощь производить и сохранять себя в своих собственных ликах, а тем самым удерживать себя в бытии. Любая индивидуальная вещь, существующая в силу своей природы, есть *ύλοκείμενον*. Всякий гипокейменон может себя выявлять либо как феномен, либо через свои собственные характеристики, через *συμβεβηκός* - суть то, что есть меонально. Но, согласно Аристотелю, сами по себе качества не существуют. Они есть, в силу наличия гипокейменона, индивидуальность как таковой. Когда мы раскрываем индивидуальные вещи как подлежащее всех своих определений и свойств, тогда то, что подлежит внизу, находится в сфере нашего постоянного наблюдения. Следовательно, сказать нечто о чем-то, значит конституировать определенный порядок «сверху-вниз» (*κατά-φάσις*) [Хайдеггер, 1993, 83]. Когда в своем познавательном опыте, мы рассматриваем вещи не так как они нам являются (в своем виде), а в их симбиотическом состоянии (количества, качества), намечается следующая тенденция, а именно: вещи в их неповторимом лике конституируются своими качественными и количественными характеристиками, а не являются нам в своем виде. Для нас исчезает всякая являемость вещей самих по себе, то есть их феноменальность как таковая. Таким образом, исчезает феноменальность самого человеческого существа, его неповторимость и индивидуальность. Мы лишаемся собственной субстанциальности. Но если имеет место такое положение дел, при котором элиминируется *ύλοκείμενον*, либо он

превращается в *subjectum*, будь то трансцендентальное «Я» Канта или абсолютное «Я» Фихте, то тогда мы можем оперировать количественными и качественными характеристиками к следовательно как угодно творить мир. Вещь в своем собственном виде утрачивает для нас всякую значимость. Для нас больше не существует феноменальных вещей и событий. Да и сама мысль суть такое мышление, в котором гипокейменон исчез. Такого рода мышление оказывается открытым любому воздействию и давлению извне. Уже не существует самой по себе личности. Всякая отдельная человеческая личность уже не имеет никакого самодостаточного значения. Тем самым, устраняется *personalitas moralis* Канта, то есть личностное измерение человека как самой по себе цели. Личность как самодостаточность человеческой экзистенции совершенно утрачивается. Но если личностно-субстанциальная основа отсутствует, то человек оказывается легко внушаемым, им можно манипулировать так или иначе преобразовывая, включая его в какую-либо категорию. Таким образом *ἐνεργεια* преобразуется в *actualitas*, *ύλοκεϊμενον* превращается *subjectum*, который есть то, что помещается в сферу непрерывного действия и может быть собрано и конституировано посредством других характеристик (акциденций). Разум, оказываясь на службе у воли, являет себя в разного рода проектах освобождающей себя воли. В континууме своих идей и идеалов этот разум наделяется стремлением конституировать себя в своих собственных идеях и осуществлять их в самой по себе действительности. Определяемость мира в горизонте всевозможных идеаций, ценностей и стремлений оборачивается исчезновением мира в плане его бытийного начала. Чтоинность всего сущего, бытийность мира как такового остаются за пределами мысли, фундаментальными измерениями, которой становятся действенность и воля, оставляющие позади себя всякие границы и пределы. Теперь такой разум творит свою собственную историю. Формирование новых идей — вот дело такой мысли. Здесь ведущим оказывается действенность идей и понятий. В этой действенности игнорировалась сама идея личности *personalitas moralis* Канта). В этой связи приведем рассуждение Фихте: «... личность, - пишет он, - **должна** быть приносима в жертву идее; та жизнь которая осуществляет это, есть единственно истинная и справедливая жизнь, и, следовательно, с точки зрения истины и подлинной действительности, индивидуум вовсе не существует, ибо не должен иметь никакого значения и должен погибнуть, и, напротив, существует единственно род, ибо последний должен быть рассматриваем как единственно существующий» [Фихте, 1909, 395]. Это противоречит всем рассуждениям Канта отстаивающему свободу и самостояние человеческой личности, которая есть цель- в-себе и никогда не может быть средством для чего бы то ни было [Кант, 1994, 478]. И если у Канта сущность свободы человека соизмеряется с человеческой личностью, то у Фихте пробуждение и самоуполномочение свободы происходит скорее в чистом деятельном разуме, утверждающем себя как *actus purus* морали. Действенному «Я» Фихте вмняет, по сути дела полномочия бытия всего сущего, имеющего абсолютный статус. Абсолютная действенность «Я», эксплицированная через посредство «не-Я», приравнивает человеческое «Я» к божественному, стирающего какие-либо различия между бытием и мышлением. Тем самым, основывается формальная беспредельность человеческого «Я». По сути дела, уничтожается всякая грань между Абсолютным «Я», своей действенностью творящим мир, и «Я» человеческим. Как отмечает К.А. Сергеев, осмысливая, новоевропейскую метафизическую позицию: «...мышление после И. Канта уже утратило дух великодушия...способного...понимать и тем самым критически осмысливать что бы то ни было, коль скоро само мышление есть действенное изменение мира» [Сергеев, 2000, 17].

Таким образом, понимание судьбы и самой человеческой ситуации в бытии, имеющее место быть ныне, обращает нас к необходимости осмысления той метафизической позиции, в которой наше отношение ко всему сущему и наше понимание сущего как сущего осуществляется с позиции действия, а понимание бытия эксплицируется в самопредставленной деятельности, то есть в действительности. Определение Я как абсолютного субъекта, взятого в аспекте самодавяющей деятельности, впервые получает надлежащую метафизическую значимость и основание в учении Фихте, и является путем разъяснения смысловой ткани такого рода действительности в ее претензии на самоуполномочивание и автономность. Доверие к разуму (*ratio*) в его целерациональной деятельности ведет к абсолютизации такой рациональности, в которой неудержимая экспансия идеи «технэ» ведет к схематизации живой ткани бытия, поглощенного артефактами технологических схем и проектов, вписывающих мир в горизонт действительного самозванства и по сути дела постчеловеческого поливариантного профанного мира. «Происходит расчеловечивание человека» [Тулчинский, 2018, 141].

Заключение

Поэтому, ныне, на первый план выходит проблема понимание границ действующего Я, устанавливающего исходный импульс и результат динамики этой активности в процессе общецивилизационной трансформации.

Библиография

1. Булгаков С.Н. Трагедия философии // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т.1. С. 311-518.
2. Виндельбанд В. От Канта до Ницше: История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками/пер. с нем. Введенский А.И.; М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 496 с.
3. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. 368 с.
4. Гайденок П.П. Парадоксы свободы в учении Фихте. М.: Наука, 1990. 128 с.
5. Длугач Т.Б. От Канта к Фихте (сравнительно-исторический анализ). М.: Канон+, 2010. 367 с.
6. Ильин И. А. Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего. Опыт систематического анализа / И. Ильин // Вопросы философии и психологии. М., 1912, кн. 112 (II). С. 290-344.
7. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. в 8-ми т. Т.4. М.: ЧОРО, 1994. С. 373-565.
8. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. в 8-ми т. Т.3. М.: ЧОРО, 1994. С. 5-678.
9. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / Под ред. Г.Л. Тулчинского, М.С. Уварова. - СПб.: Алетейя, 2000. 410 с.
10. Перов Ю. В. Лекции по истории классической немецкой философии / Ю. В. Перов. - Санкт-Петербург: Наука, 2010. 530 с.
11. Сергеев К. Философия Канта и новоевропейская метафизическая позиция // Ю. В. Перов, К.А. Сергеев, Я.А. Слинин. Очерки истории классического немецкого идеализма. СПб.: «Наука». 2000. С. 8-153.
12. Тулчинский Г.Л. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб.: Алетейя, 2018. 670 с.
13. Фихте И.Г. Основа общего наукоучения // Фихте И.Г. Соч.: В 2 т. СПб.: "Мифрил", 1993. Т.1. С. 65-337.
14. Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И.Г. Соч.: В 2 т. СПб.: "Мифрил", 1993. Т.2. С. 359-617.
15. Фишер К. История новой философии. СПб., 1909. Т. VI. 733 с.
16. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 63-176.
17. Хесли В.Гении философии нового времени. М.: Наука, 1992. 225 с.
18. Fichte J, G. Grundlage des Naturrechts nach Principien der Wissenschaftslehre, 1796 // Johann Gottlieb Fichte's Sämmtliche Werke. Bd. 3, Abt. 2 : Zur Rechts- und Sittenlehre, Bd. 1 / hrsg. von J. H. Fichte. - Berlin : Veit, 1845. – XLIII. 513 s.
19. Heimsoeth H. Fichte. E. Reinhardt, München 1923. 236 s.
20. Mader, Johann. Fichte, Feuerbach, Marx. Leib, Dialog, Gesellschaft. Wien: Verlag Herder, 1968. 206 s.

The metaphysics of activity as the basis of the philosophy of the absolute “I” I.G. Fichte

Tat'yana V. Torubarova

Doctor of Philosophy, Professor,
Kursk State University,
305000, 33, Radishcheva st., Kursk, Russian Federation;
e-mail: ttorubarova@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the comprehension of the philosophy of I.G. Fichte as a metaphysics of pure action. It is shown that the meaning of the existence of the «I» lies in the activity of his self-determination, which is absolute and infinite. Author explicates the essence of the metaphysics of Fichte's practical mind, transforming its Kantian understanding and receiving its conceptual expression in the metaphysics of pure action. The meaning of the Absolute in conjunction with freedom is explained, which receives an anthropocentric dimension in the realm of the effective «I».

The results of the study show that the essence of the self-believing activity of the «I» goes back to the self-determination of the absolute «I». Through, through the analysis of the alienating activity of the «I», the meaning of reality as such is revealed. In this connection, the dialectical experience of the absolute nature of the «I» is comprehended.

It is shown that the consequence of this kind of perspective, given by the principle of the absolute activity of the «I», is a new plane of human consciousness and the possibilities of its actions. A person who produces himself in this kind of normativity, identifies himself no longer in preserving and «building up» human qualities proper, but more in «multiplying» the subjective principle, that is, constituting himself as an absolute subject of his actions, the motivation of which is determined by the will of activity «I». The commitment of human action is increasingly determined by true knowledge, the world itself is becoming a field for resolving technological prospects due to the purposeful actions of self-sufficient subjects.

Summing up the above, we note that the key principles of Fichte's metaphysical concept, producing leading semantic determinants of a person's understanding of the world and his own being, clarify the understanding of the essence of modern reality.

For citation

Torubarova T.V. (2019) *Metafizika deyatel'nosti kak osnovanie filosofii absolyutnogo «ya» I.G. Fichte* [The metaphysics of activity as the basis of the philosophy of the absolute “I” I.G. Fichte]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (6A), pp. 90-99. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.042

Keywords

Metaphysics of activity, absolute, practical mind, pure action, anthropocentric freedom.

References

1. Bulgakov S.N. (1993) *Tragediya filosofii*. Bulgakov S.N. Soch.: V 2 t. Moscow. Nauka, T.1. p. 311-518.

2. Vindel'band V. (1998) Ot Kanta do Nitshe: Istoriya novoi filosofii v ee svyazi s obshchei kul'turoi i otdel'nymi naukami/per. s nem. Vvedenskii A.I.; Moscow. KANON-press, Kuchkovo pole, 496 p.
3. Vysheslavtsev B.P. (1994) Etika preobrazhennogo Erosa. M.: Respublika, 368 s.
4. Gaidenko P.P. (1990) Paradoksy svobody v uchenii Fikhte. Moscow. Nauka, 128 p.
5. Dlugach T.B. (2010) Ot Kanta k Fikhte (sravnitel'no-istoricheskii analiz). Moscow. Kanon+ 367 p.
6. Il'in I. A. Krizis idei sub"ekta v naukouchenii Fikhte Starshego. Opyt sistematicheskogo analiza / I. Il'in . Voprosy filosofii i psikhologii. M., 1912, kn. 112 (II). p. 290-344.
7. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma . Kant I. Soch. v 8-mi t. T.4. M.: ChORO, 1994. p. 373-565.
8. Kant I. Kritika chistogo razuma . Kant I. Soch. v 8-mi t. T.3. Moscow. ChORO, 1994. p. 5-678.
9. (2000) Perspektivy metafiziki: klassicheskaya i neklassicheskaya metafizika na rubezhe vekov / Pod red. G.L. Tul'chinskogo, M.S. Uvarova. SPb. Aleteiya, 410 p.
10. Perov Yu. V. (2010) Lektzii po istorii klassicheskoi nemetskoi filosofii / Yu. V. Perov. - Sankt-Peterburg: Nauka, 530 p.
11. Sergeev K. (2000) Filosofiya Kanta i novoevropeskaya metafizicheskaya pozitsiya . Yu. V. Perov, K.A. Sergeev, Ya.A. Slinin. Ocherki istorii klassicheskogo nemetskogo idealizma. SPb.: «Nauka». p. 8-153.
12. Tul'chinskii G.L. (2018) Fenomenologiya zla i metafizika svobody. SPb.: Aleteiya, 670 p.
13. Fikhte I.G. Osnova obshchego naukoucheniya . Fikhte I.G. Soch.: V 2 t. SPb.: "Mifril", 1993. T.1. p. 65-337.
14. Fikhte I. G. (1993) Osnovnye cherty sovremennoi epokhi . Fikhte I.G. Soch.: V 2 t. SPb.: "Mifril", T.2. p. 359-617.
15. Fisher K. (1909) Istoriya novoi filosofii. SPb., T. VI. 733 p.
16. Khaidegger M. Evropeiskii nigilizm . Khaidegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya: Per. s nem. M.: Respublika, 1993. p. 63-176.
17. Khesli V. Genii filosofii novogo vremeni. M.: Nauka, 1992. 225 p.
18. Fichte J, G. Grundlage des Naturrechts nach Principien der Wissenschaftslehre, 1796. Johann Gottlieb Fichte's Sämmtliche Werke. Bd. 3, Abt. 2 : Zur Rechts- und Sittenlehre, Bd. 1 / hrsg. von J. H. Fichte. Berlin : Veit, 1845. – XLIII. 513 p.
19. Heimsoeth H. (1923) Fichte. E. Reinhardt, München 236 p.
20. Mader, Johann. (1968) Fichte, Feuerbach, Marx. Leib, Dialog, Gesellschaft. Wien: Verlag Herder, 206 p.